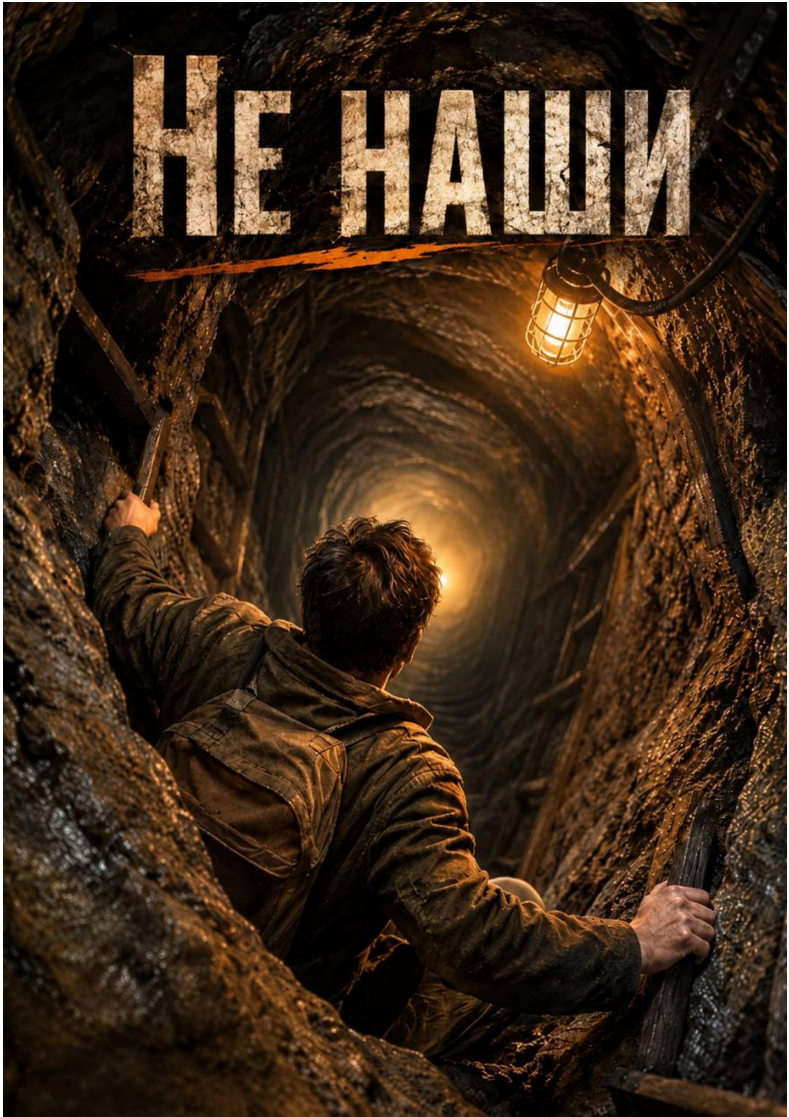

НЕ НАШИ

Лео Блан
Не наши

https://litres.ru/74776039
SelfPub; 2026

Аннотация

В маленьком городе Тенфолд-Гейт происходит аномалия, связанная с древним внеземным объектом, скрытым глубоко под заброшенной каменоломней. Главный герой, Эллиот Вэнс, первым замечает, что люди вокруг начинают меняться. Они выглядят как прежние, говорят как прежние, помнят всё — но в них исчезает человеческая неправильность, живая хаотичность, эмоция, запах, случайность.

Содержание

Глава 1 4
Человек, который слышит лишнее 4
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Лео Блан
Не наши

Глава 1

Человек, который слышит лишнее

Эллиот Вэнс когда-то был человеком большого города, точных расчётов и дорогих лабораторий. Он работал в Сиэтле, проектировал акустические системы и занимался промышленным шумоподавлением. Он умел отделять полезный сигнал от помех, слышать закономерности там, где другие слышали только гул, скрежет и усталость металла. Когда-то это казалось талантом. Потом стало проклятием.

После аварии на одном из объектов, где он тестировал систему подавления низкочастотных резонансов, Эллиот ушёл из профессии почти сразу. Официально причиной значилось нервное истощение. Неофициально — он начал слышать то, чего не должно было существовать. Не голоса и не мистику, а странные структурные рисунки в обычных звуках: повторяющиеся интервалы в шуме вентиляции, математически точные пульсации в дребезге окон, ритмы, которые не могли возникнуть случайно. Врачи говорили о последствиях трав-

мы, о тревожном расстройстве, о гиперфиксации. Эллиот соглашался, кивал, принимал таблетки, но внутри оставался уверен: мир действительно звучит не так, как должен.

В Тенфолд-Гейт он переехал два года назад, надеясь, что маленький город, лес, сырой воздух и удалённость от больших производств помогут ему снова стать обычным человеком. Здесь он снимал дом на окраине, подрабатывал ремонтом аудиотехники, иногда настраивал аппаратуру в местной церкви, а по вечерам записывал окружающие шумы — дождь по жестяной крыше, гудение линий электропередачи, треск старых холодильников, далёкие грузовики на трассе. Он говорил себе, что это просто привычка. На самом деле он всё ещё искал.

В ночь на семнадцатое октября Эллиот не спал.

Он сидел на кухне в шерстяном свитере, с кружкой давно остывшего кофе, и просматривал спектрограмму записи, сделанной за час до полуночи. За окном шёл дождь. На экране ноутбука тянулись привычные полосы фонового шума — ровные, скучные, безопасные. Эллиот уже собирался закрыть программу, когда заметил провал.

Не всплеск. Не помеху. Именно провал.

На протяжении семи секунд весь звуковой фон в записи словно был вырезан из реальности. Остались только слабые следы внутренних шумов самого микрофона, но внешний мир исчез. Ни дождя, ни ветра, ни далёкого шоссе. Будто пространство вокруг микрофона на мгновение перестало

передавать колебания.

Эллиот выпрямился.

Он перемотал назад. Прослушал снова. Потом ещё раз, уже в наушниках. Тишина была не просто отсутствием звука — она имела форму.

Эллиот не сразу понял, что именно его пугает. Не сам провал, а его края. Обычно любой шум, даже резко оборванный, оставляет след: затухание, дрожь, остаточную рябь, микроскопические колебания, которые техника всё равно ловит. Здесь же границы тишины были слишком чистыми, будто кто-то аккуратно вырезал кусок мира острым инструментом и вставил на его место пустоту.

Он увеличил масштаб.

Семь секунд. Ровно.

Не шесть целых девять. Не семь и две десятых. Ровно семь.

Эллиот почувствовал, как по спине проходит холодок. Он открыл другую запись — с уличного микрофона, закреплённого под козырьком крыльца. Потом третью — с диктофона в спальне. Потом четвёртую — старый рекордер, который он оставлял в подвале, где обычно гудели трубы и потрескивал бойлер.

На всех файлах был тот же провал.

Семь секунд абсолютного отсутствия внешнего звука.

— Нет, — тихо сказал он самому себе, хотя в пустой кухне собственный голос прозвучал чужим. — Нет, так не бывает.

Он быстро открыл программу анализа частот и наложил записи друг на друга. Совпадение было идеальным. Не просто по времени — по структуре остаточного шума. Как будто в эти семь секунд весь мир вокруг его дома оказался внутри одной и той же герметичной камеры.

Эллиот машинально потянулся к телефону. Сначала хотел позвонить в метеослужбу округа, потом в службу электросетей, потом вообще никому. Он уже знал, как это будет звучать: бывший инженер с историей нервного срыва сообщает, что ночью записал «неправильную тишину». Даже если его выслушают, в лучшем случае посоветуют поспать.

Он откинулся на спинку стула и заставил себя дышать медленно.

Паника всегда начиналась одинаково: ускоренный пульс, ощущение, что стены чуть сдвигаются, а привычные предметы теряют надёжность. После аварии он научился распознавать первые признаки и не доверять им. Но сейчас дело было не в нём. На экране лежал факт. Цифровой, измеримый, повторяемый факт.

Эллиот открыл местный форум, где жители Тенфолд-Гейта обсуждали всё подряд — от пропавших собак до перебоев с водой. Новые сообщения появлялись там редко, особенно глубокой ночью, но этой ночью лента жила лихорадочной, рваной жизнью.

Первая ветка появилась в 03:22:*«Кто-нибудь ещё это почувствовал? Минут десять назад в районе карьера будто*

пол под ногами просел. У меня чашки в серванте зазвенели, но без звука. Не знаю, как объяснить».

Ответы сыпались с неестественной для сонного городка скоростью:*«У меня собака забилась под крыльцо, скулит и не выходит. Дождь хлещет в стекло, а я его не слышал. Думал, у меня инсульт».«Кровь из носа пошла прямо во сне. Проснулся от того, что подушка мокрая. Жена тоже говорит, голова раскалывается».«В восточном районе свет моргнул три раза. Но часы не сбились. Что за чертовщина на станции?»*

Эллиот листал экран, и сухое, аналитическое спокойствие инженера внутри него начало трещать по швам. Это не было слуховой галлюцинацией. Не было проекцией его личной травмы. Воздействие накрыло долину широким фронтом, и его эпицентр угадывался безошибочно — «Северный Кряж».

Старая известняковая каменоломня была закрыта ещё в конце восьмидесятых, когда грунтовые воды затопили нижние выработки. Местные подростки лазали туда пить пиво и жечь костры, а городские власти раз в пару лет лениво обновляли покосившиеся щиты с надписью «Опасно: частная собственность». Ничего примечательного. Обычный шрам на теле земли, заросший ежевикой и мхом.

До сегодняшней ночи.

Эллиот вернулся к графику на мониторе. Он выделил семисекундную лакуну, инвертировал фазу и задрал усиление

сигнала до предела, вытягивая цифровую информацию из того, что выглядело абсолютным нулем. Если аппаратура зафиксировала вакуум колебаний, значит, сама мембрана микрофона во что-то упёрлась. Звуковая волна не может просто раствориться — закон сохранения энергии никто не отменял. Она либо рассеивается в тепло, либо компенсируется противофазой.

Динамики ноутбука слабо зашипели от предельного гейна. Эллиот надел мониторные наушники, закрыл глаза и нажал «Play».

Сначала не было ничего, кроме белого шума перегруженного тракта. Затем, на четвертой секунде «пустоты», сквозь синтетический шелест пробилось нечто иное.

Не звук. И даже не инфразвук.

Это был математический код, переведённый в механическое напряжение среды. Он не звучал — он *давил* на барабанную перепонку с цикличной периодичностью: короткий импульс, пауза в тридцать миллисекунд, длинная серия микросжатий, похожая на скрежет сверхплотного кристалла о стекло, и снова провал. Рисунок не походил ни на природную сейсмику, ни на промышленный фон. В нём сквозила чудовищная, выверенная до десятых долей герца геометрия.

У Эллиота свело челюсти, во рту появился отчетливый металлический привкус, точно он прикоснулся языком к контактам девятивольтовой батарейки.

Он сорвал наушники и бросил их на стол.

В тишине кухни тиканье настенных часов показалось ему оглушительным. Но к этому тиканью примешивалось что-то ещё.

Эллиот замер, не дыша.

В углу под раковиной, там, где проходила старая чугунная труба слива, стояла тонкая, едва уловимая вибрация. Она не имела ничего общего с током воды. Труба не дребезжала — она резонировала, словно принимая передачу откуда-то из глубины скальной породы.

Город не просто проснулся от толчка. Город продолжал гудеть на частоте, которую люди обычно не замечают, пока не станет слишком поздно.

Эллиот подошел к окну и отодвинул тяжелую влажную штору. Дождь за стеклом снова шумел — серые струи размывали тусклый свет единственного уличного фонаря на перекрестке. Но на противоположной стороне улицы, у дома старого Маркуса, бывшего лесничего, стояла фигура.

Без зонта. Без плаща.

Человек просто стоял на краю подъездной дорожки под ледяным октябрьским ливнем, запрокинув голову к непроглядному, низкому небу. Руки были вытянуты вдоль тела по швам — неподвижно, симметрично, с неестественной фиксацией суставов.

Эллиот прижался лбом к холодному стеклу, пытаясь рассмотреть лицо сквозь пелену воды. Он знал Маркуса: семидесятилетний подагрик, вечно шаркающий в засаленной

фланелевой рубашке, сварливый и подозрительный. Сейчас этот человек стоял абсолютно прямо, словно у него сменили позвоночник на стальной штырь.

И он не шевелился. Он не моргал от капель, бьющих прямо в открытые глаза.

Он слушал.

Эллиот медленно отступил вглубь кухни, не спуская взгляда с темного силуэта за окном. В висках пульсировала одна и та же мысль, четкая и холодная, как спектрограмма на его мониторе: импульс в 03:14 не был аварией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.